

Когда-то, еще в те времена, когда всё казалось простым и понятным, Чжан Цзыман обмолвился, что у него есть любимый человек. Цинь Яо тогда всё гадал: что же это за девушка, сумевшая покорить эту ледяную глыбу? Сгорая от любопытства, он даже подначивал друга: мол, как вернемся, обязательно познакомь, дай хоть посмотрю на ту искусницу, что провернула такой трюк.

Позже, когда Цинь Яо начал осознавать истинную природу чувств Цзымана, он — из какой-то внутренней неловкости — стал намеренно отдаляться. При каждом случайном прикосновении он твердил себе: «Это только ради миссии. Потерпи, скоро всё закончится».

Цзыман не навязывался. Но однажды на интеллектуальную цепь Цинь Яо пришло сообщение: «Я помню о своем обещании. Приходи, я познакомлю тебя с тем, кого люблю».

Прочитав это, Цинь Яо ощутил в душе странную, сосущую пустоту.

«Значит, я всё-таки навоображал лишнего, — подумал он. — Сам себя ввел в заблуждение».

В день встречи Цинь Яо решил соблюсти все приличия. Он долго наряжался перед зеркалом, внушая своему отражению: «Ты делаешь это не для того, чтобы затмить какую-то девчонку. Ты просто вежливый человек».

Встреча была назначена дома у Чжан Цзымана. Цинь Яо уже бывал здесь раньше, когда забирал подарок — традиционный ханьфу. Путь был недолгим, от силы минут десять, но он кружил по улицам добрых полчаса, прежде чем решился подойти к двери.

Когда шелкнул засов, ему захотелось развернуться и бежать. «Зачем мне смотреть на его патию? Кто я ему такой?»

Дверь открыл Чжан Цзыман. Он был в домашней пижаме, волосы слегка всклокочены, а из-под свободного ворота виднелись ключицы. Обычно одежда скрывала его фигуру под глухими слоями ткани, и Цинь Яо, впервые увидев друга в таком домашнем виде, невольно залюбовался. Всё-таки на таком теле даже простая домашняя одежда сидит как костюм на подиуме.

— Заходи, — негромко произнес Чжан Цзыман. В его глазах, подернутых дымкой недавнего сна, не было привычной мягкости.

Цинь Яо неловко поставил принесенный сверток на стол.

— А где... твоя девушка?

— Что это? — Цзыман проигнорировал вопрос, кивнув на изящную коробочку.

— Подарок, — Цинь Яо выдавил улыбку и отвел взгляд. — Для тебя... и для неё.

— Спасибо, — Чжан Цзыман взял коробку. — Я приму его.

— Не стоит благодарности.

Цзыман жестом позвал его за собой в спальню. Цинь Яо замер, чувствуя, как он краснеет.

— Послушай... это как-то неправильно.

Одно дело зайти к другу, но врваться в комнату, где, скорее всего, находится его возлюбленная — верх бестактности.

— Иди сюда, я вас познакомлю, — в голосе Чжан Цзымана прозвучали нотки, не терпящие возражений. Делать было нечего, и Цинь Яо последовал за ним.

Внутри он продолжал ожесточенно спорить с собой: «Смотри, Цзыману наплевать на чувства своей девушки. Впускает постороннего мужчину в святая святых... Он её совсем не бережет. Хорошо, что он не влюблен в тебя, иначе натерпелся бы ты с ним горя».

Но как бы он ни храбрился, глаза предательски защипало.

В комнате Чжан Цзыман встал перед ростовым зеркалом и вскрыл упаковку. Внутри лежали два одинаковых браслета: тонкие кожаные ремешки с серебряными сердцами, пронзенными стрелой.

— Банальщина какая-то, — горько усмехнулся Цинь Яо. — Прости, если не по вкусу.

В спальне Чжан Цзымана царил запах сандала, строгая деревянная мебель, изысканная простота. На этом фоне его подарок казался дешевой побрякушкой.

— Мне нравится, — Цзыман снова поманил его рукой. — Подойди.

Цинь Яо медленно приблизился, озираясь по сторонам:

— Так где же она?

Не успел он договорить, как Цзыман рывком притянул его в знакомые объятия и развернул к зеркалу. Он обхватил его за талию со спины и, прижавшись щекой к уху, нежно коснулся мочки. Его голос, низкий и бархатистый, прозвучал прямо над ухом:

— Я никогда не говорил, что у меня есть девушка. Я говорил, что у меня есть тот, кто дорог моему сердцу.

В зеркале Цинь Яо увидел, как Цзыман осторожно застегивает на его запястье браслет. В мягком свете лампы серебро отозвалось теплым блеском.

Чжан Цзыман глубоко вздохнул и, глядя на отражение своего спутника, добавил:

— Но пока это лишь мои чувства.

— Если он не против... — слова Цзымана обжигали, становясь всё тише и интимнее. — Позволь представить: этот господин и есть моя судьба.

\*\*\*

Цинь Яо еще долго стоял, уставившись в зеркало с глупой улыбкой. Его сознание витало где-то в облаках, и если бы не настойчивый стук в дверь, он бы вряд ли скоро пришел в себя.

— Яо-цзы! Ты чего там застрял? — донесся из коридора голос Чэн Миня.

— Иду! — Цинь Яо потер лицо, пытаясь унять румянец, но стоило ему сделать шаг к двери, как он оцепенел.

Он не просто замер — он не мог пошевелиться.

В зеркале, прямо за его спиной, по полу лениво стелилась угольно-черная тень.

Очертания были отчетливыми — это был ребенок. Маленький, приземистый силуэт без лица и каких-либо черт. Просто сгусток тьмы, в котором безошибочно угадывался человеческий детеныш.

Тень медленно двинулась вперед. Цинь Яо почувствовал, как в горле встал ком. Стало трудно дышать, он почувствовал свинцовый холод в конечностях. Чем ближе подходило это нечто, тем ниже падала температура вокруг.

Когда существо поравнялось с ним, Цинь Яо увидел в отражении, как черная фигурка медленно подняла руку и крохотными пальчиками крепко вцепилась в его палец.

Но стоило ему скосить глаза на свою настоящую руку — там было пусто. Никого. Ни единой живой души.

Ледяной холод змеей пополз вверх по предплечью. Цинь Яо показалось, что его сердце превратилось в кусок льда. Окружающий мир начал расплываться, перед глазами поплыли черные пятна. В ушах зазвучал детский смех — пронзительный, скрежещущий, лишенный всякой невинности. Так могли бы смеяться демоны в недрах проклятого древнего замка.

В душе Цинь Яо поселилось отчаяние. Неужели в этот раз именно ему суждено стать первой жертвой?

Сознание угасало, чувства покидали тело...

\*\*\*

— Яо-цзы! Очнись, Яо-цзы!

— А-а-а!

Цинь Яо с криком подскочил на месте. Лоб был покрыт крупными каплями пота, дыхание сбилось, а лицо стало серым, как пепел.

Он тут же ущипнул себя за щеку. Больно! Значит, жив.

Трое спутников одновременно выдохнули. Когда Чэн Минь ворвался в комнату, Цинь Яо лежал на полу: он окоченел, его взгляд остекленел и был прикован к потолку, а сам он даже не дышал.

Чжан Цзыман, на мгновение потеряв свое хваленое самообладание, бросился к нему. Его пульс был слабым и прерывистым, словно кровь с трудом пробивалась по венам.

Лишь когда Юй Фансюй заметил, что кончик указательного пальца друга почернел, он понял, в чем дело. Действовать пришлось быстро: он нашел серебряную иглу и пустил кровь, вымывая застойную черноту. Если бы не это, вряд ли Цинь Яо удалось бы спасти.

Пока искали иглу, выяснилась еще одна скверная деталь: меч Цзымана исчез. Проснувшись в этом новом, странном мире, Чжан обнаружил, что сменилась не только внешность, но и вся экипировка. Верный клинок пропал бесследно.

Похоже, правила этой игры стали куда жестче.

Цинь Яо, едва придя в себя, увидел встревоженное лицо Цзымана и тут же бросился ему на шею.

Чжан Цзыман обнял его в ответ, осторожно похлопывая по спине, словно успокаивал напуганного ребенка. Чэн Минь, глядя на эту сцену со стороны, невольно поморщился. Внушительный рост Цинь Яо и хрупкая внешность Цзымана делали это объятие донельзя нелепым.

— Тебе не кажется, что они перепутали сценарии? — шепнул Чэн Минь, толкнув Юй Фансюя локтем.

— Вовсе нет! — раздался в ответ приторный, жеманный голосок.

Юй Фансюй, продолжая играть роль «супруги», мертвой хваткой вцепился в Чэн Миня. Его голос гремел на всю комнату, словно он пытался доказать, что их пара ничуть не менее страстная:

— Дорогой! Обними же меня крепче!

— Эй!

Цинь Яо, стораая от стыда, отстранился от Чжан Цзымана и укоризненно посмотрел на Фансюя:

— Ты же сейчас задушишь Сяо Миня.

Юй Фансюй глянул вниз и тут же ослабил хватку, принявшись «заботливо» растирать шею Чэн Миня:

— Ой, радость моя, прости! Я и не думал, что ты у меня такой слабенький.

Цзыман не выдержал и сухо кашлянул. Театр абсурда начинал утомлять.

Юй Фансюй наконец заговорил своим нормальным голосом:

— Что всё-таки произошло? Ты что-то видел?

Цинь Яо медленно кивнул:

— В зеркале... Там был ребенок.

— Какая рука? Эта? — Цзыман взял его за правую кисть.

Чэн Минь посмотрел на них и подумал, что Чжан Цзыман сейчас выглядит точь-в-точь как

властный босс из дешевых романов, который, увидев синяк на руке героини, ледяным тоном спрашивает: «Кто посмел тебя тронуть? Я велю отрубить ему руки».

Цинь Яо вытянул указательный палец:

— Он схватил меня вот за этот.

Детская ручка мала, и когда дети ведут взрослых за собой, они обычно хватаются за один палец — вся ладонь для них слишком велика.

— Вот оно что, — задумчиво произнес Цзыман.

Они обменялись взглядами. Похоже, догадка была одна на двоих.

— Перестаньте говорить загадками, — не выдержал Чэн Минь. — Рассказывайте.

— Помнишь, что случилось, когда мы с Цзыманом нашли тот дневник? — Цинь Яо не выпускал руку друга.

Чэн Минь на мгновение задумался, и его осенило.

В том странном доме, когда они нашли дневник, именно Цинь Яо первым коснулся серебряной застёжки. Тогда на его пальце остался след крови, который тут же исчез. Тогда они списали это на игру воображения или случайность, но сейчас по спине Чэн Миня пробежал холодок.

— Но ведь ты тогда был в своем настоящем обличье, — подал голос Юй Фансюй, и от его слов в комнате стало по-настоящему жутко.

Если этот призрачный младенец нашел их даже после того, как они сменили внешность, имена и сами личности, значит... оно никогда их и не покидало.

Оно всё это время было рядом. Тихая, невидимая тень, следовавшая за ними по пятам.

<http://bllate.org/book/17517/1659964>